
**ДИСКУССИИ
И ОБСУЖДЕНИЯ**

ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА© 2008 г. А. Т. Ковальчук¹

Финансовое право как самостоятельная отрасль юриспруденции переживает непростые времена, если не сказать – период длительного застоя. Возможно, это утверждение покажется чрезмерно категоричным, беря во внимание, что в этой сфере трудится значительный отряд научных работников, защищаются кандидатские и докторские диссертации, издаются монографии, учебники и учебные пособия, публикуется значительное число статей, в том числе и в таком солидном издании, каким многие десятилетия является данный журнал. Тем не менее создается впечатление, что право потеряло ориентиры, которые признавались базовыми в прошлой системе, и одновременно не приобрело качеств и признаков, которые наиболее полно отражали бы реальные рыночные перемены. Проф. Н.М. Добрынин нынешнее состояние отечественной юридической науки характеризует “как затянувшийся системный кризис”, “как глубочайший кризис, имеющий материальную, психологическую и функциональную составляющие”². Безусловно, во многом он прав.

Но, как мне представляется, с определенного периода, а именно: с момента кардинальных (на постсоветском пространстве) рыночных перемен теоретиками в области финансового права не была предпринята попытка задуматься и ответить на принципиально важные вопросы. Среди них:

Каким образом должна реагировать финансово-правовая наука на те кардинальные перемены, которые произошли, скажем, в России или Украине? Какую роль реально выполняет сегодня финансовое право? Насколько изменился (упал) потенциал системы финансово-правового регулирования? Что же необходимо незамедлительно предпринять, чтобы финансовое право как самостоятельная отрасль юриспруденции была в состоянии адекватно реагировать на принципы и правила рыночных отношений?

Утверждение в странах СНГ рыночных систем, несмотря на то что данный объективный процесс в каждом отдельном случае имеет свою динамику и степень зрелости, обуславливает достаточно активный переток государственных денежных ресурсов и финансовых активов в негосударственный сектор. Таким образом, все более

значительная часть финансового потенциала страны обращается в частном и корпоративном секторах экономики, функционируя как рынок денежно-кредитных ресурсов, финансовых активов, фондовых инструментов и т.д., фактически представляя национальный финансовый капитал. Наполнение финансовых систем рыночным содержанием объективно сопровождается операционными новациями, с которыми западные финансовые институты уже давно “на ты”. Речь в первую очередь идет о финансовом маркетинге, финансовом мониторинге, рейтинговых оценках; ныне финансовые рынки все больше работают с интернет-ресурсами.

Финансовые практики, фактически обогащая положения теоретиков, экстраполируют необычную терминологию в отечественную юриспруденцию, в том числе и в финансово-правовую сферу. Так, скажем, “факторинг” как инновационный финансовый бизнес-инструмент по оптимизации задолженности и финансовых рисков, или же “форфейтинг”, обеспечивающий помимо всего финансирования проектов в сфере информационных технологий, а также трансграничных торговых операций, внедрились в отечественное финансовое законодательство именно под напором рыночной действительности. Это происходит благодаря предприимчивости и творческой энергии молодых финансистов, работающих на фондовом рынке, рынке финансовых услуг, в том числе на рынке ФОРЕКС, и т.д. Однако постсоветская финансово-правовая теория заметно отстает от перманентного и стремительного развития современных научных технологий, которые выдвигают соответствующие требования и к правовым наукам.

Следует сказать, что финансово-правовая наука на постсоветском пространстве до сих пор не в состоянии построить общепризнанную и практически значимую доктрину нового финансового права в системном ее выражении. Уже более 15 лет в странах СНГ, везде по-разному, утверждается рыночно-демократическая система хозяйствования, формируется более или менее полноценный финансовый рынок, но на сегодняшний день *отсутствует концептуально цельное о нем представление*. Чаше всего процессы в финансовом секторе экономики осуществляются методом проб и ошибок, не опираются на надежный фун-

¹ Докторант Института законодательства Верховного Совета Украины, кандидат юридических наук, доцент.

² Гос. и право. 2007. № 1. С. 13, 14.

дамент системных теоретических обобщений и научных выводов.

Не является редкостью, когда известные российские теоретики в области финансового права, как ни досадно это признавать, традиционно упрощают предмет данной науки. Этот последний фактически ограничивается “государственными финансами”, “публичными денежными фондами” и т.п. советскими стереотипами. В унисон с ними украинские теоретики утверждают: “денежно-кредитные отношения преимущественно не имеют ничего общего с финансовыми”; и далее: “банковское кредитование – классический сектор регулирования частным правом”³. И подобных несуразностей, если исходить из рыночных принципов и условий, можно процитировать великое множество. Между тем данная проблема выходит далеко за пределы сугубо “академического” интереса, ибо все более касается не только непосредственных интересов субъектов и участников финансовых правоотношений⁴, но и по большому счету наших глобализационных перспектив.

Как утверждает Роберт Дж. Шиллер в недавно увидевшей свет книге “Новый финансовый порядок: риск XXI столетия”, “мир входит в стадию развития, в которой основные принципы финансов будут интегрированы в мировую экономику и наша жизнь будет зависеть от этого более значительно, чем когда-либо”. Необходимо признать, что автор продвигает этот тезис в отношении Старого Света, который уже не одно столетие функционирует на развитом рыночном базисе. Но данное заключение еще более актуально для постсоветских государств, в рамках которых финансовые процессы постепенно переходят от ущербной второсортности на передовые позиции. Поэтому и далее относиться к финансовому праву и предмету его регулирующего воздействия ортодоксально-догматично крайне нежелательно⁵. Тем не менее, представители научной общественности почему-то игнорируют эту очевидность и продолжают, следуя инерции, в заведомо обедненном варианте трактовать нынешние финансово-правовые отношения⁶.

³ Право України. 2007. № 8. С. 35, 37.

⁴ Финансовое право в практической своей роли сводится к согласованию сталкивающихся экономических интересов, фокусируясь таким образом на самых болевых точках, так сказать, “прозы жизни”, определяющим образом способствует (так должно быть) разрешению конфликтов в финансовой сфере.

⁵ “Догматика – удел теологии, поскольку догма – это положение, принимаемое на веру за непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах... и не подлежащее критике” // Гос. и право. 2007. № 1. С. 13.

⁶ См.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Финансовое право. М., 2002; Ивлев М.Ф. Категории “финансы” и “финансовая деятельность государства” в науке финансового права // Гос. и право. 2004. № 7.

Более того, имеют место утверждения, будто финансовые отношения, которые формируются в частном и корпоративном секторах, выходят за рамки финансового права, являются предметом других отраслей права. Данная позиция уязвима по меньшей мере, из-за двух неизбежных следствий. Во-первых, это означает не что иное, как признание факта постепенного сужения предмета финансового права и, таким образом, самих рамок, масштабов регулирующего воздействия финансового права⁷. Во-вторых, исходя из логики первого следствия, необходимо признать историческую бесперспективность финансового права как самостоятельной отрасли права.

Общеизвестно, что система рыночных отношений и административно-командная система – это две абсолютно несовместимые модели развития. Фактически это антагонистические системы. Поэтому о какой-то преемственности финансово-правовых отношений сегодня говорить не приходится. Административно-командная система – практически закрытая система. В советские времена казалось, что таким образом власть защищается от рыночной стихии и разрушающих случайностей. Но изоляция любой системы от импульсов извне обрекает, на наш взгляд, данную систему на упадок, вырождение и гибель. История СССР, как представляется, – убедительный тому пример. Отсюда напрашивается весьма принципиальный вывод. В рыночных условиях все более очевидной становится неизбежность того, что привычные, но крайне догматичные для нынешнего времени интерпретации содержания финансового права, заложенные еще проф. Е.А. Ровинским⁸, должны быть существенно пересмотрены и качественно модернизированы.

Финансовое право характеризуется противоречивой логикой исторического становления и

⁷ Этот факт достаточно точно подметила М.В. Карасева, утверждая, что, используя цивилистическую концепцию, “нельзя в полной мере понять потенциал и пределы финансово-правового регулирования, а отсюда – правильно осуществлять формирование и толкование финансово-правовых норм” // Гос. и право. 2007. № 1. С. 46.

⁸ После опубликования известной статьи И.В. Сталина об экономических основах строительства социализма советским ученым не осталось ничего другого, как творить в контексте ключевых идей и принципов, обозначенных вождем. В этом контексте особенно удачно заявили о себе экономист Н.А. Вознесенский и юрист Е.А. Ровинский. Последний опубликовал (в начале 40-х гг.) статью – “Предмет советского финансового права”, а затем первый советский учебник финансового права, где признал полную зависимость финансово-правовых отношений от власти, их абсолютную подчиненность государству. Данная констатация используется не для осуждения этого безусловно талантливого ученого. По сути, благодаря именно ему финансовое право заявило о себе как об авторитетной отрасли права. Но время ничего не оставляет неизменным и незбылемым. И с этим нужно считаться, и в первую очередь представителям науки.

общественного признания. Вне всякого сомнения, именно проблемы регулирования денежно-финансовых связей и расчетов между участниками рыночных процессов и отношений с давних времен рассматривались как важнейшая задача государства, и, естественно, данной проблематикой занимались законодатели.

Однако финансовое право как разновидность позитивного права и действующей юриспруденции сформировалось значительно позже других отраслей, если не брать во внимание такие сверхсовременные сферы, как информационное или космическое право. И это несмотря на то, что еще в XIX столетии во всей Европе активно использовались (хотя четко и не разделялись) такие понятия, как “финансы”, “финансовая наука”. Термин “финансовое право” употреблялся только в контексте финансов, но не самостоятельно. Если же в этой связи напомнить позицию проф. В.А. Лебедева, известного теоретика того времени, то, по его мнению, предмет финансовой науки и финансового права один и тот же, и только “способы рассмотрения его у них различаются”⁹. Эту же мысль уже значительно позже поддержал проф. В.С. Толстой¹⁰.

С нашей точки зрения, в таком случае невозможно уловить эксклюзивность, специфику объекта и предмета финансового права. Из-за этого финансовая система как объект регулирования важного блока общественных отношений оставалась в тени. И лишь с течением времени становится все более понятным, что успешный кругооборот и оборот финансов возможны, если их нормативно сопровождает и комплексно обеспечивает финансовое право как отдельная, самостоятельная отрасль юриспруденции.

Если же считать историю Российской империи и нашей собственной, то первые научные труды по этим вопросам (“План финансов” М.М. Сперанского, “Опыт теории налогов” Н.И. Тургенева, “О государственном кредите” М.Ф. Орлова)¹¹ имели скорее экономическую, чем юридическую направленность, хотя в них и заложены основополагающие финансово-правовые предпосылки, например относительно необходимости утверждения бюджета через специальный закон и т.д. В то же время увидели свет монографические работы, заложившие начала финансово-правовой науки как особой отрасли финансового законодательства и теоретической юриспруденции, которую в те времена называли “политикой финансо-

вого права”¹². Таким образом, есть основания утверждать, что о финансовом праве в расширенном толковании, т.е. как системном явлении, не замыкающемся в рамках государственных финансов, было заявлено еще в XIX в.

В советские же времена в ходе дискуссии о системе права и финансового законодательства было зафиксировано, хотя и в крайне суженном варианте, научное признание финансового права¹³. Действовавшая в те времена жесткая цензура пошла на уступки и дала “добро” на запуск категории “финансовое право” в официальный оборот. После этого наступил период ее активной научной разработки в монографических исследованиях¹⁴. Это стало существенной предпосылкой для серьезных заявок относительно понимания финансового права как отдельной, самостоятельной отрасли отечественной юриспруденции. Для советской системы, жестко отстаивавшей марксистскую ортодоксальность и консервативность правоведения, выделение (даже на теоретическом уровне) финансового права в самостоятельный объект исследования означало настоящую революцию в научной мысли. Ведь таким образом незримо признавалась традиция дореволюционной российской и западноевропейской континентальной научной правовой школы, которая стояла на объективистских началах, практически не разделяла финансы и финансовое право в зависимости от форм собственности и способов хозяйствования.

Можно сделать вывод, что финансовые отношения между субъектами рыночной системы имеют место много столетий и равным образом на государственном уровне существуют соответствующие этим правоотношениям законодательные и нормативные акты, в совокупности представляющие доминантный блок финансового права. Однако подобное понимание могло присутствовать в советской модели финансового права лишь умозрительно. Но чтобы в советские времена дать право на государственное признание и, таким образом, на жизнь общерыночным явлениям типа “финансы” и “финансовое право”, пришлось

⁹ Лебедев В.А. Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 234.

¹⁰ См.: Толстой В.С. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 64–65.

¹¹ См.: У истоков финансового права. Золотые страницы финансового права России. М., 1998; Тарасов И. Очерк науки финансового права. Вып. 1. Ярославль, 1889; Янжул И. Основные начала финансовой науки. СПб., 1899.

¹² “Юридически-догматическое изучение финансовых законодательств и есть финансовое право, а изучение правил финансового хозяйства с экономической и политической стороны ставит финансовую науку, которую иногда называют финансовой политикой (или же, как высказываются некоторые немецкие писатели, “политикой финансового права”)” (см.: Лебедев В.А. Финансовое право. Серия “Золотые страницы финансового права России”. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1882. С. 10).

¹³ См.: Тиктин Г.И. Очерки по общей теории публичных финансов. Опыт построения теоретической финансовой науки на публично-экономической основе. Одесса, 1926.

¹⁴ См.: Серьезным импульсом к обсуждению данной проблемы стали публикации Е.А. Ровинского, а несколько позже – работы основоположника “украинской школы” финансового права Л.К. Вороновой (см.: Воронова Л.К. Советское финансовое право. Киев, 1983).

авторитетным ученым долго и упорно доказывать сугубо “советскую природу и классовый характер” данных общецивилизационных категорий.

Ради исторической объективности важно признать, что финансовые отношения, имеющие место быть много столетий кряду, хотя и были сыгнорированы и всячески порицались советскими теоретиками права, но взамен был отвоёван очень важный плацдарм на фронте “классовой борьбы” – получение своего рода индульгенция на теоретическую жизнь таким общерыночным явлениям, как “финансы” и “финансовое право”. Переоценить этот исторический факт трудно. Но в то же время нельзя продолжать держаться за морально устаревшую теорию в принципиально иных общественных отношениях. Напротив, нужно прилагать еще больше усилий для того, чтобы идти вперед¹⁵.

Сегодня представители “новой волны”, пользуясь непривычной свободой для теоретических заявок, начали интенсивно обосновывать (к сожалению, не всегда предметно и фундаментально) рождение “новых” отраслей права. Таким образом, за последнее десятилетие появилось, по нашим подсчетам, не менее полусотни отраслевых разновидностей права, многие из которых фактически являются составными финансового права и других системных отраслей юриспруденции¹⁶. Именно в последние годы наблюдается спонтанно-стихийное “размножение” правовых отраслей просто за семантическими признаками. Без малейшего научного сопротивления и заслуженной в этом случае критичности запускаются в понятийный оборот такие разновидности “отраслей” права, как “акционерное”, “банковское”, “бюджетное”, “валютное”, “вексельное”, “кредитное”, “конкурентное”, “лизинговое”, “инвестиционное”, “инновационное”, “эмиссионное” и т.д., и т.п. Если подобное правотворчество не приостановить, то неоправданное появление так называемых “отраслей” права будет продолжаться, нанося ощутимый вред цивилизованному правоведению и юридической практике.

Возможно, этим можно объяснить (но не оправдать) тот факт, что в последнее время в странах СНГ не существует общепризнанного мнения относительно содержания, структуры и

предмета финансового права, однозначного отнесения важнейших компонентов и блоков, составляющих финансовую систему страны, именно к этой отрасли права. Финансовое право чувствует себя “пасынком” в семье таких “грандов”, как конституционное право, гражданское право, административное право, хозяйственное право, поскольку все еще не определило предмет своего реального юридического влияния, исходя из качественно изменившихся политико-экономических условий. По-прежнему господствует позиция о финансовом праве как о регуляторе “денежных фондов государства”¹⁷.

Отождествление в рыночных системах объекта и предмета финансового права с движением исключительно государственных финансов фактически является правовым анахронизмом, свидетельствующим о сомнамбулическом сне финансово-правовой науки. Такая позиция науки, хотим мы это признавать или нет, провоцирует жесточайший правовой нигилизм в системе финансово-правового регулирования. Но система права, подталкивающая одних к нарушению закона, а других вынуждающая страдать от этого, в конце концов теряет жизнеспособность.

По нашему убеждению, сегодня стратегически актуальной, требующей системной научной разработки является так называемая “расширительная”, т.е. рыночная, концепция и модель финансового права. Говоря наиболее сжато, отметим: предмет финансового права (сегодня так должно быть) – это отношения по поводу правового обеспечения расширенного воспроизводства (т.е. аккумуляции, распределения и использования во все возрастающих масштабах) финансовых ресурсов и финансового капитала в интересах цивилизованного развития страны.

В рыночных системах, каковыми в определенной степени на сегодня являются экономики и России, и Украины, неотъемлемыми компонентами (где больше, где меньше) также выступают: рынок капитала; рынок финансовых услуг; фондовый рынок (где, кстати, оборачивается и фиктивный, и спекулятивный капитал); рынок производных финансовых инструментов – деривативов и опционов и т.д.¹⁸

Отсюда вполне закономерно возникает вопрос, требующий, по нашему мнению, более тща-

¹⁵ Более десяти лет назад, обращаясь к читателям в предисловии своей новой книги, известнейший во времена СССР ученый-правовед и, по моему убеждению, глубоко уважаемый многими его соратниками и учениками сегодня С.С. Алексеев заявил (думаю, не только от себя, но и от имени своих современников-ученых) о том, что “нужно идти вперед путем истины”, продемонстрировав, таким образом, “стремление к очищению, посильное освобождение автора от догм, стереотипов и комплексов, которые были характерны для недавнего состояния нашей правовой науки” (см.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 4).

¹⁶ См.: Ковальчук А.Т. Финансовое право Украины. Состояние и перспективы развития. Киев, 2007.

¹⁷ Карташов А.В. Регулирующая функция финансов и государственный кредит (Финансово-правовые аспекты) // Гос. и право. 2006. № 10. С. 86–89.

¹⁸ Попутно замечу, что, по данным Банка международных расчетов, объем мирового рынка производных финансовых инструментов увеличился с 20 трлн. долл. в начале 90-х годов до 300 трлн. долл. в настоящее время. Для цивилизованного мира – это привычные явления, и они регулируются нормами финансового права. Однако для нас все это пока в диковинку.

тельного рассмотрения: возможно ли финансовому праву и дальше оставаться в рамках публично-го права или оно должно закономерно выйти за эти пределы, вступив также в сферу влияния (воздействия) частного права? Ради научной объективности допустимо предположить, что традиционное восприятие модели “публичное” = “государственное”, т.е. отождествление “публичного” и “государственного”, практически удерживает финансовое право на антирыночных позициях. Отношения, выходящие за рамки публичного права и регулируемые “методом равенства”, должны, по убеждению “традиционалистов”, рассматриваться как часть гражданского, а не финансового права.

Снова же как повод для размышлений и в противовес такой позиции стоит привести достаточно авторитетный пример из зарубежной практики. Относительно недавно в России появился перевод фундаментального труда известного на международном уровне специалиста П. Нобеля о финансовом праве Швейцарии¹⁹. Автор утверждает, что одним из главных оснований для сохранения Швейцарией ведущего места в мире финансовых расчетов и концентрации финансового капитала является разветвленное и активно приспособляющееся к динамическим изменениям в современном мире финансовое законодательство.

Что понимает один из наиболее авторитетных профессионалов в сфере финансового права под предметом своей работы, говорит содержание книги, включающее кроме вопросов о банках и банковской деятельности (гл. 8), финансового контроля и системы надзора за банковским рынком (гл. 9), валютной системы (гл. 10) также специальные разделы о фондовой бирже и торговле ценными бумагами (гл. 11), механизмах реализации финансовых схем на рынке капитала (гл. 13), законодательстве о схемах коллективного инвестирования (гл. 14) и др. В книге также детально анализируется законодательство Европейского Союза о рынках финансовых услуг. Этот, казалось бы, частный пример дает дополнительные и достаточно весомые аргументы в пользу “расширительной” концепции финансового права.

Устаревшей относительно нынешних рыночных условий является позиция авторов, которые продолжают подавать специфику финансового права в качестве такого инструмента регулирования, который зиждется на “властно-имущественном характере” и “превалирующей императивности”²⁰. В этой связи важно еще раз подчеркнуть, что в рыночных условиях метод властных предписаний (императивный метод) в процессе

финансово-правового регулирования используется наряду (а не прежде всего и только лишь) с методами рекомендаций, правовых согласований, юридических дозволений и даже юридических стимулов и поощрений. Последние наиболее органичны при решении проблем, возникающих в условиях проникновения сугубо рыночных структур в сферу государственных финансов. При этом субъекты финансово-правовых отношений, с одной стороны, иницируют правовую инициативу относительно вступления в режим либеральных принципов, а уполномоченные представители государственных финансов демонстрируют право выбора вступать в такие отношения или нет. Скажем, Государственный пенсионный фонд может выбирать, в каких банках держать свои свободные финансовые ресурсы, тогда как коммерческие финансово-кредитные учреждения включают все возможные рычаги (нередко и теневые, поскольку “цена вопроса” очень большая), лишь бы достичь желаемого согласия с держателем огромных финансовых ресурсов. Понятно, что рыночные процессы свое берут.

Рыночные условия объективно порождают и воспроизводят своего рода нейтральное поле, в рамках которого действует некий “коридор свободы”, где действовать в режиме только лишь категорических императивов практически нецелесообразно. Ведь частный, да и корпоративный, капитал функционирует со своими правилами и отзывается на общегосударственные потребности лишь при условии “равенства сторон”, т.е. либо при возможности получения прибыли или выгоды (не обязательно финансовой) или же при реальной перспективе действовать, не теряя свободы предпринимательства и предприимчивости.

Поэтому можно встать на позицию проф. Ю.А. Крохиной, которая на международной научно-практической конференции “Современное состояние и перспективы развития финансового права”²¹ заявила следующее: “Современные тенденции развития финансового права уже как закономерность выявляют взаимопроникновение объектов публично-правового регулирования в частноправовые и наоборот”. Конечно же, финансово-правовое регулирование в рыночных системах вынуждено учитывать отмеченную объективность – взаимопроникновение и взаимодействие публичных и частных интересов. Поэтому вряд ли столь нерушимым и незыблемым должен оставаться традиционалистский подход, при котором утверждается, что финансовое право может функционировать только в связи с государ-

¹⁹ См.: Швейцарское финансовое право и международные стандарты / Пер. с англ. М., 2007.

²⁰ Гос. и право. 2004. № 4. С. 40.

²¹ См.: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Ирпень, 23–24 ноября 2007 г.

ственными финансами, всецело проявляясь в качестве публичного права²².

Нынешняя система рыночных отношений объективно требует, чтобы к предмету финансового права относились не только движение публичных денежных ресурсов, но и весь широкий спектр корпоративных финансовых ресурсов (частных в преобладающей доле), в том числе финансовые ингредиенты, связанные с финансовым капиталом, консорциумным кредитованием²³, финансовым мониторингом, ценными бумагами, другими финансовыми инструментами фондового рынка, теоретически познавать и практически осваивать которые на постсоветском пространстве начали совсем недавно.

В рыночных условиях государство и его финансы уже не являются монопольными (абсолютистскими) явлениями. Рыночная система, ядром которой являются частная собственность и правовые свободы для конкуренции, делает субъектов финансово-правовых отношений независимо от того, кто это – государство, или корпорация, или же частный владелец определенного финансового капитала, равными перед законом и взаимноответственными. Финансовые ресурсы и капиталы, и это общеизвестно, постоянно нацелены и настроены на расширенное воспроизводство. В рыночных системах государство – это партнер, скажем, в консорциумных и тому подобных проектах – и не более того. В подтверждение данной позиции зададим себе вопрос: сможет ли государство (Украина или Россия) решить финансовые проблемы каким-то иным образом в преддверии футбольного чемпионата “Евро-2012” или зимней Всемирной олимпиады “Сочи-2014”? Ответ может быть только один: нет, не сможет²⁴.

По сути рыночные системы настроены таким образом, что финансовое сообщество permanently превращается в своеобразный финансовый консорциум. И все меньше остается абсолютно независимых и ограниченных каким-то национальным рынком экономических систем. А в глобальных финансовых сообществах весьма важную роль играют (если не сказать, правят) рыночные модели финансового права. Поэтому важно прежде всего исходить из того, что финансовое право имеет собственную, во многом эксклюзивную ценность, которая в рыночных условиях приобретает доминирующее значение.

Речь прежде всего идет о том, что благодаря именно финансовому праву достигается консенсус многообразия интересов. Общеизвестно: где нет общности интересов, там не может быть единства целей, не говоря уже о единстве действий. Финансовое право в рыночных системах призвано и обречено максимально благоприятствовать такому единству. В этом смысле рыночные принципы и правила экономического общежития имеют большое значение для господствующих представлений о том, что следует считать финансовым правом. Финансовое право, согласовывая (так должно быть) монблан экономических интересов, предварительно разрешает великое множество финансовых противоречий. Без этого не будут действенными никакие законы макроэкономического толка, даже освященные парламентом страны. Именно в этом “экслюзив” и его особая общественная ценность. Настало время признать и об этом прямо заявить, что в связи с рыночными преобразованиями на постсоветском пространстве существенно меняются природа, границы и содержание финансовых правоотношений, а следовательно, и масштабность финансового права. Научную концепцию финансового права, которая в наибольшей степени соответствовала бы рыночным условиям, нам еще предстоит разработать, хотя реальные предпосылки к этому уже имеются²⁵.

В этом контексте очень своевременными и конструктивными являются рекомендации уже упомянутой Международной конференции (22–23.XI.2007 г.), посвященной современному состоянию и перспективам развития финансового права. Вот некоторые из них: во-первых, концептуально обосновать основные финансово-правовые категории и понятия; пересмотреть понятие предмета финансово-правового регулирования, четко очертив его пределы; во-вторых, уточнить систему финансового права и механизмы финансово-правового регулирования, исходя из рыночных принципов; в-третьих, спрогнозировать рыночную трансформацию отдельных финансово-правовых институтов.

Таким образом, открывшиеся перспективы развития финансового права нового типа, все более расширяющийся объем его регулирующего влияния и юридической действительности, паритет его “институциональности” и “рыночности” зависят от того, насколько восприимчивой является действующая политико-экономическая система к более цивилизованным отношениям в их объективном и системном проявлении, а также какие усилия прилагает в этом направлении финансово-правовая наука.

²² См.: Ашмарина Е.М. Специфика содержания некоторых финансово-правовых норм // Гос. и право. 2005. № 2.

²³ Консорциумное кредитование – это система коллективного финансового инвестирования.

²⁴ Сегодня для подготовки к зимним Олимпийским играм 2014 г. по инициативе Правительства России создана “Олимпийская корпорация”, которая на консорциумном принципе сформирует бюджет, эквивалентный 12 млрд. долл.

²⁵ Подробнее об этом см.: Воронова Л.К. Наука финансового права и ее современные задачи // Финансовое право. 2007. № 1. С. 5–9.